

УДК 343.9(4/9)

DOI 10.33463/2687-122X.2021.16(1-4).2.221-226

ЛИНАР РИНАТОВИЧ ХАБИБУЛЛИН,

адъюнкт кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права,

Нижегородская академия МВД России,

г. Нижний Новгород, Российская Федерация,

e-mail: linar-7771@mail.ru

ЗАРУБЕЖНЫЕ КОНЦЕПЦИИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ МАССОВЫМ БЕСПОРЯДКАМ

Для цитирования

Хабибуллин, Л. Р. Зарубежные концепции уголовно-правового противодействия массовым беспорядкам / Л. Р. Хабибуллин // Уголовно-исполнительное право. – 2021. – Т. 16(1–4), № 2. – С. 221–226. – DOI : 10.33463/2687-122X.2021.16(1-4).2.221-226.

Аннотация. В современном мире наблюдается устойчивый рост числа организованных протестных акций. В представленной статье проведено исследование зарубежных концепций уголовно-правового противодействия массовым беспорядкам. Рассмотрена эволюция организованной протестной деятельности за последние десять лет. Изучение уголовного законодательства стран континентальной Европы (Федеративная Республика Германия, Французская Республика), а также государств, расположенных на территории постсоветского пространства (Азербайджанская Республика, Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Украина), позволило продемонстрировать развитие национальных концепций в исследуемой области. Проанализированы их сходства и отличия, отмечен положительный опыт, на основе которых предложены направления повышения эффективности уголовно-правового противодействия массовым беспорядкам.

Ключевые слова: безопасность, противодействие преступности, массовые беспорядки, общество, государство, концепция.

Современная цивилизация в последнее десятилетие столкнулась с распространением ненового, но характеризующегося очередным этапом развития противоправного социально-политического феномена – массовых беспорядков. Их формат и методики, используемые для посягательств на общественную безопасность и общественный порядок, требуют не только пересмотра характера и степени общественной опасности исследуемого криминально-делинквентного поведения, но и поиска новых, более эффективных инструментов уголовно-правового противодействия массовым беспорядкам и иным деяниям, сопряженным с ними.

© Хабибуллин Л. Р., 2021

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

Изложенное подтверждается событиями, происходящими как в России, так и за ее пределами. Продемонстрируем несколько примеров. В 2010 г. в Киргизии была организована «Дынная революция». Ее причиной стала сложная экономическая ситуация в стране, усугубившаяся ростом цен на коммунальные услуги, что усилило раскол в правящей элите и вылилось в акции народного недовольства. Коррупция и низкое социальное обеспечение населения были основными условиями массовых беспорядков в Индии в 2011 и 2016 гг. В 2012 г. массовые митинги прошли в Румынии. Причины схожи – снижение зарплат, повышение налогов, расширение платной медицины. Социально-экономические детерминанты вылились в групповые митинги в Бразилии в 2013 г. Их результат – это отставка правительства и объявление импичмента президенту. 2014 г. известен протестной акцией в Украине. Главная причина недовольства – отказ правительства от подписания соглашения с Евросоюзом. В результате президент В. Янукович покинул стану и власть перешла к Верховной Раде. В 2015 г. в Армении экономические условия повлекли за собой массовые акции протеста. Массовые беспорядки в Южной Корее привели к импичменту президента. Главной их детерминантой стал коррупционный скандал в семье лидера станы. Похожие акции прошли в 2018 г. в Армении и Иране, в 2019 г. – в Венесуэле и Алжире [1]. Все эти события в своем большинстве заканчивались сменой власти.

Традиционно такие акции связаны с нарастающими социальными, экономическими и политическими кризисами. В настоящее время с учетом перехода исследуемой протестной деятельности на международный уровень, что подтверждается интернациональным характером ее участников, активно пропагандирующих свою взгляды в телекоммуникационных сетях, в том числе в сети Интернет, в доктрине выдвигаются версии о том, что массовые беспорядки используются как инструмент изменения существующего сегодня миропорядка [2]. Ввиду того что это недопустимо, остро стоит вопрос о противодействии таким формам преступно-девиантного поведения. Одним из главных инструментов в этой области, безусловно, должно выступать уголовное законодательство, взявшее под охрану наиболее значимые ценности, неотъемлемым элементом которых, наравне с интересами личности, выступает общественная и государственная безопасность. Это фактически наблюдается в рамках модернизации уголовной политики Российской Федерации [3], в том числе в смежной области – противодействии экстремизму [4]. Однако, с нашей точки зрения, добиться более значимого прогресса в борьбе с противоправными массовыми акциями можно только сообща. В связи с этим изучение положительного опыта зарубежных стран может стать основой выработки эффективных унифицированных приемов уголовно-правового противодействия массовым беспорядкам.

Остановимся на изучении уголовного законодательства стран дальнего и ближнего зарубежья в целях демонстрации общемировой стратегии рассматриваемой области. Исследуя законодательство континентальной Европы, обратим внимание на подходы, имеющиеся в Федеративной Республике Германия. Система изучаемых деяний сконцентрирована в разд. 7 «Преступления против общественного порядка» УК ФРГ. В § 124 УК ФРГ закреплена ответственность за «серьезное вторжение» (Schwerer Hausfriedensbruch). Конструктивными признаками этого преступления выступают: массовость, публичность, цель (намерение) – применение насилия и причинение вреда отношениям собственности. Сравнивая выделенную общественно опасную форму поведения с групповыми погромами и массовыми беспорядками, отметим следующее. Состав сконструирован по типу формального и предполагает в качестве еще одного обязательного условия не-

законное проникновение в жилище или иное помещение. С учетом того что, совершая такой акт, виновные посягают сразу на несколько объектов уголовно-правовой охраны, излишне гуманной видится санкционная политика. В частности, наказание в анализируемой статье предусматривает лишение свободы до двух лет или штраф.

Параграф 125 УК ФРГ также демонстрирует стратегию германского законодательства в рассматриваемой области, отдельно криминализовав «нарушение общественного порядка» (Landfriedensbruch). В анализируемом составе преступления отличительными признаками выступают: применение насилия или угроза его применения; массовость; цель – посягательство на общественную безопасность; подстрекательство к такой противоправной деятельности. Конструируя данный состав по типу усеченного, в отличие от § 124 УК ФРГ, законодатель установил более жесткую ответственность за его совершение и предусмотрел наказание до трех лет лишения свободы или штраф. Параграф 125а УК ФРГ закрепляет отягчающие признаки преступления, указанного в § 125: наличие оружия или предметов, используемых в качестве оружия; применение насилия, опасного для жизни или здоровья; причинение значительного имущественного ущерба [5].

Особенностью германского законодательства выступает отсутствие дифференциации ответственности для организаторов и исполнителей отмеченных преступлений. Размер санкций зависит от установления отягчающих признаков и объекта посягательства [6]. Сравнивая законодательство Германии и России в изучаемом секторе правового регулирования, подчеркнем, что оно имеет сходство и отличия. Тождественность подходов видится в схожести непосредственных объектов массовых беспорядков и иных деяний, сопряженных с ними, а также в количественных и качественных характеристиках таких групповых деяний. Существенные отличия прослеживаются как в дифференциации ответственности участников таких массовых акций, так и в их наказуемости. Полагаем также, что глубокое разграничение субъектного состава, продемонстрированное в ст. 212 УК РФ, и отнесение деяний, в ней закрепленных, к более общественно опасным формам поведения, повышают уровень превенции и способствуют усилению эффекта уголовно-правового противодействия массовым беспорядкам.

Интересным видится позиция французского законодателя в исследуемой области. Во-первых, привлекает внимание место расположения норм, устанавливающих ответственность за массовые беспорядки, в структуре УК Франции. В отличие от России, они отражены в разд. III «О посягательствах на государственную власть», что меняет подход к определению объектов этого деяния. В качестве родового объекта выступают интересы государственной власти, а видового – общественная безопасность (отдел II «О противоправном участии в сборище»). При этом противодействию рассматриваемой группе преступлений посвящен целый отдел УК Франции. Уголовно-правовое понятие и признаки «сборища», именно так именуются массовые беспорядки во Франции, закреплены в ст. 431-3 УК Франции. К юридически значимым характеристикам отнесены количественно неопределенный состав; место совершения общественно опасного деяния. Преступным является не сам факт скопления людей по причине создания угрозы для общественного порядка, а непрекращение такой протестной деятельности после двукратного предупреждения со стороны уполномоченных на то представителей государственных органов о недопустимости такой формы поведения. Дифференциация ответственности зависит от наличия или отсутствия оружия у субъекта сборища.

В ст. 431-6 УК Франции криминализовано провоцирование вооруженного сборища, выраженное в публичной агитации к участию в нем или ее распространении любым иным способом. Данный юридико-технический прием, с нашей точки зрения, заслуживает

особого внимания, так как формирует ответственность за подстрекательские действия. Пресечение рассматриваемых форм преступного поведения на более ранних стадиях несет громадный позитивный предупредительный эффект. Невозможность склонения к участию общественных масс в сборищах путем введения соответствующего уголовно-правового запрета выступает в качестве эффективной превентивной меры. Интересным видится также механизм ужесточения ответственности в зависимости от достижения преступного результата рассматриваемой пропагандистской деятельности. Так, если за сам факт пропаганды наказание не может превышать одного года лишения свободы и штрафа в размере 100 000 франков, то в случае, если такая деятельность привела к сборищу, наказание увеличивается до семи лет тюремного заключения и 700 000 франков штрафа.

Своя стратегия противодействия массовым беспорядкам имеется и на площадке постсоветского пространства. Свои зачатки она находит в Уголовном кодексе РСФСР 1922 г., где в разделе «Преступления против порядка управления» впервые было закреплено преступление под названием «массовые беспорядки» [7]. Общие идеи борьбы с рассматриваемым деянием, на отмеченной территории, отражены в Модельном уголовном кодексе [8]. В частности, его признаки закреплены в ст. 186 Модельного кодекса. Место расположения этой нормы традиционно для российского уголовного законодательства. Она включена в гл. 23 «Преступления против общественной безопасности». Как и в ранее проанализированном зарубежном законодательстве, указанная статья, в отличие от действующей ст. 212 УК РФ, не дифференцировала уровень ответственности субъектов в зависимости от выполняемой роли. Это стало причиной поляризации подходов к формированию соответствующих уголовно-правовых инструментов. Ряд государств пошли по пути ее более глубокой дифференциации [9]. Российская Федерация стала преемником именно этого способа. Другие использовали подход, предложенный в Модельном кодексе, что, с нашей точки зрения, оспоримо по причине существенного изменения содержания угроз, исходящих от современного формата массовой протестной деятельности, фактически обладающей транснациональными признаками.

Остались и общие подходы. В первую очередь они коснулись характеристик объекта преступления, страдающего или ставящегося под угрозу причинения вреда от массовых беспорядков. В качестве такового определяется общественная безопасность (УК Азербайджанской Республики, УК Республики Армения, УК Республики Беларусь и т. д.).

Вместе с тем следует назвать некоторые отличительные черты, которые могут быть использованы в рамках дальнейшего совершенствования исследуемого уголовно-правового института. В частности, интересным видится опыт, сформированный в Республике Армения. В ч. 3 ст. 225 УК Армении установлен особоотягчающий признак, охватывающий умышленное причинение смерти человеку, совершенное в рамках массовых беспорядков. Считаю данную идею верной, так как потерпевший в этом случае выступает лишь как инструмент достижения криминальных целей и его индивидуально-личностные характеристики не имеют никакого значения для субъекта преступления. Схожий прием реализован и в УК РФ, но не в ст. 212, а в ст. 205. Эта позиция находит все более активную поддержку и среди представителей научного сообщества.

В уголовном законодательстве Украины также есть свои отличительные черты. В частности, в ст. 294 УК Украины к альтернативным криминообразующим признакам массовых беспорядков отнесены: захват зданий или сооружений, насильственное выселение граждан. Представленный юридико-технический прием также заслуживает

внимания. Как показывает практика, совместная протестная деятельность достаточно часто сопряжена с отмеченными формами противоправного поведения, что должно быть учтено в процессе модернизации общемировой стратегии противодействия массовым беспорядкам.

Таким образом, в мировой практике сформировано множество подходов, демонстрирующих современную стратегию противодействия массовым беспорядкам и деяниям, с ними сопряженным. Сходством является отсутствие законодательно закрепленного понятия «массовые беспорядки», а также четкого определения как минимальных, так и максимальных количественных характеристик участников групповых преступных акций. Вместе с тем дисбаланс наблюдается в характеристике родовых и видовых объектов исследуемого деяния, а также в реализуемой в отдельных государствах санкционной политике. Наиболее значимой отличительной чертой российского уголовного законодательства в рассматриваемой области является более глубокое разграничение ответственности участников массовых беспорядков в зависимости от выполняемой роли.

Понимая, что уголовное законодательство и далее будет развиваться в области совершенствования уголовно-правовых механизмов противодействия массовым беспорядкам, полагаем, что особый акцент необходимо сделать на пресечении подготовительных стадий такой криминальной деятельности. В частности, возможно использование апробированного положительного опыта Франции и России в части установления ответственности за провоцирование массовых беспорядков в публичных выступлениях, а также распространения агитационных материалов любыми способами. Однако их широчайшее присутствие в телекоммуникационных сетях требует, по нашему мнению, еще большей ее дифференциации, возможно, путем включения в ч. 3 ст. 212 УК РФ пункта «а»: «...с использованием телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет». Зарубежные партнеры должны обратить внимание на прием, реализованный в ч. 4 ст. 212 УК РФ, установивший ответственность за прохождение обучения в целях организации массовых беспорядков или участия в них. Конечно, требуют пересмотра имеющиеся подходы к квалификации убийств, совершенных в процессе осуществления массовых беспорядков. Жизнь в данном случае – это лишь средство достижения криминальных целей. В связи с этим необходимо рассматривать общественные отношения, ее обеспечивающие, не как основной, а как факультативный объект посягательства. Уголовно-правовые нормы, предусматривающие ответственность за криминальную протестную деятельность, должны включать в себя особо отягчающий признак, охватывающий причинение смерти. Полагаем, что только такими слаженными, однотипными усилиями возможно снизить активную фазу криминальной протестной деятельности, вышедшей на транснациональный уровень.

Библиографический список

1. Чиквин А. Десятилетие протеста: как судьбы стран решались на площадях и почему акции народного недовольства только разрастаются // TJ – блогплатформа. 2019. 26 дек. URL : <https://tjournal.ru/analysis/131383-desyatiletie-protesta-kak-sudby-stran-reshalis-na-ploshchadyah-i-pochemu-akcii-narodnogo-nedovolstva-tolko-razrastayutsya> (дата обращения: 20.01.2021).
2. Протесты в России и мире: коррупция, неравенство, свобода и климат // BBC News Русская служба. 2019. 25 окт. URL : <https://www.bbc.com/russian/features-50170867> (дата обращения: 20.01.2021).

3. Петрянин А. В., Черных Е. Е., Кузьменко В. С. Уголовная политика Российской Федерации: состояние, направления и перспективы // Юридическая наука и практика : вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 2(26). С. 159–164.

4. Петрянин А. В. Уголовная политика Российской Федерации в области противодействия экстремизму // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. 2015. № 1. С. 245–250.

5. Векленко С. В., Якунин А. И. Законодательная регламентация уголовной ответственности за массовые беспорядки в зарубежных странах // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2011. № 1(3). С. 23–29.

6. Багмет А. М. Уголовно-правовое противодействие массовым беспорядкам за рубежом // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2012. № 7(26). С. 82–85.

7. Полонский М. А. О дифференциации уголовной ответственности субъектов массовых беспорядков в законодательстве Кыргызской Республики, стран СНГ и Балтии // Современная наука. 2010. № 1(1). С. 52–57.

8. Модельный уголовный кодекс для государств – участников СНГ // Правоведение. 1996. № 1. С. 92–150.

9. Алимпиев А. А. Сравнительно-правовой анализ норм об уголовной ответственности за совершение массовых беспорядков в Российской Федерации, странах Содружества Независимых Государств и ближнего зарубежья // Общество и право. 2017. № 3(61). С. 51–56.